

Истории 6-ой параллельной

(Улице, на которой жило много хороших людей моего детства)

В тишине за окном резко дунул ветер. Затрепетал старый дом. Вдали зазвенело разбитое стекло. Загремели и покатались по мостовой какие-то жестянки. Шабаша повернул голову и прислушался.

- Кажется, ветер поднимается. Соскучился я по хорошему ветру.

Сима подула на блюдец с чаем.

- в наше время ветер дул целыми неделями и такой сильный был. Прохожие пробегали мимо дома, держась двумя руками за шляпы, и даже говорят, видели, как человек перелетал через улицу, в таком виде. В доме хлопали форточки и двери, мигали и тухли электрические лампочки. И тогда вечерами, мы закрывали все ставни и зажигали керосиновую лампу.

Наверное, тоскливо было без света?

Нам - детям было интересно. За столом собиралась семья, и целый вечер рассказывали разные истории, шутили и смеялись. Приходили соседи. С тех пор очень люблю разные истории, особенно веселые.

- Вижу, ты скучаешь по детству?

- Очень. В этом доме жило много разных людей. Меня все любили и оберегали. Большинство людей разъехалось. Конечно, хочется увидеть людей из детства и вспомнить старые времена.

- А, я давно переехал отсюда. Уже много лет обслуживаю замок в одной стране.

Ну, и как тебе?

Сейчас привык, но сильно скучаю.

- А, сюда, как ты попал?

- Ищу дорогу в детство. Несет меня туда, где я жил, где жили мои родные и друзья. Может быть, потому что, самых интересных людей я встречал именно в детстве, на этой улице. И сейчас они приходят ко мне во сне, успокаивают меня и торопятся уйти, как только начинается день.

Действительно, среди множества современных зданий, в тени когда-то густых акаций, стоял старый двухэтажный дом. Вокруг без конца что-то разрушалось, строилось и перестраивалось. Но этот дом не менялся, оставаясь все тем же. Машины во двор никогда не заезжали. Помятые железные ворота перекошились и не открывались, во дворе росли большие деревья, и сидели одни и те же соседи.

Читатель напрасно будет искать этот дом в наши дни. Дома давно уже нет, как и многих персонажей этой истории, но улица бая параллельная есть, хотя и под другим именем. Попасть в этот дом могли те, кто его хорошо знал и помнил. Высоко- высоко в небе летали стаи голубей, обрывки газет и забытых историй.

Шабаша вытаскивает из кармана старую черно-белую фотографию.

- Вот, осталась у меня с тех времен, когда я здесь жил. Может, знаешь кого-то?

Знаю, говорит Сима, вот этого мужчину я помню. Он жил у вас во дворе. Очень практичный был мужчина, всегда себе на уме. Тогда в городе большинство мужчин были болельщиками и ходили на каждый футбольный матч. Город пустел во время матчей. А он не ходил на футбол и ждал этого часа, чтобы пойти в городскую баню и спокойно помыться без очереди.

Иногда не сразу понимаешь человека - замечает Шабаша, - вы напомнили мне один случай. Сажу я как-то на диване, в больничном коридоре. Вокруг все очень чисто, красные ковровые дорожки, зеленые пальмы, белоснежные занавески. Мимо меня гуляет больной в пижаме. Он курит и стряхивает пепел почему-то в карман пижамы. Я думаю, как приятно, - воспитанный человек, соблюдает чистоту. Но, ради любопытства все-таки спрашиваю, - почему именно в карман? Ах, говорит он, пожимая плечами. Просто в кармане пижамы дырка и пепел трусится незаметно по коридору.

Да, - Сима, согнувшись, разглядывает фотографию. - Ваш дворик был именно такой; одноэтажный, тесный, крыши, залитые киром, множество разных дощатых дверей, и бельевых веревок поперек двора. Соседи сидели на маленьких скамеечках напротив друг друга. А, в дальнем углу двора жил один веселый человек. Когда он покупал бутылку вина в полуподвальном магазинчике через дорогу, то сворачивал из бумаги кулек и клал бутылку туда горлышком вниз. После чего аккуратно

заворачивал кулек. Со стороны это выглядело как обычное дело. Купил человек то ли муку, то ли сахар. Теперь можно с рассеянным видом проходить мимо любопытных соседей.

Я была начитанным ребенком, и он мне напоминал столяра Джузеппе из "Приключений Буратино". В соседнем дворе, на крыше постройки, где он жил, была небольшая голубятня, обтянутая металлической сеткой. Он переделал ее в мастерскую. И, приходя в этот двор, я часто, слышала оттуда стук молотка и жиканье рубанка. Мне все время хотелось посмотреть, что он делает, но снизу, ничего не было видно. Может быть, он делает деревянную куклу, и она сейчас спустится и выбежит со двора на улицу.

Все вокруг напоминало мне эту сказку. В комнате, где мы жили, была таинственная дверь, с большой медной ручкой и покрашенными петлями, которая никогда не открывалась. Она была заклеена не холстом, а обоями. По плоским пыльным крышам домов, ходили ободранные, бродячие коты Базилио, с явными криминальными намерениями. Худую Мальвину этого двора называли Надька-селедка. На углу улицы, в кругу на корточках, сидели Дуремары. Возле ворот торговала семечками Тортила. При желании можно было найти и других персонажей, но главного героя - Буратино среди них не было.

Я нашла во дворе подходящее полено, и отнесла его к Джузеппе. Он сидел на улице, возле ворот своего двора, и чинил свои очки большими ножницами. Попросила его сделать для меня деревянную куклу? Он достал из-за уха красный карандаш, написал что-то на стене и, прищурив глаза от сигареты "Аврора", сказал: Хорошо, я сделаю тебе эту куклу. Она будет веселой, умной и будет помогать тебе.

- Я буду учить ее,- обрадовалась я, потому, что хотела стать учительницей.

- Не хочу учиться,- закричал чей-то тоненький голосок.

- Ты, посмотри, оно уже разговаривает? Не будешь учиться - останешься поленом, - строго сказал Джузеппе. А мне сказал: не беспокойся. Приходи через месяц.

Прошло много лет. Двор этот давно снесли. Джузеппе куда-то исчез. Так и остался этот человек в памяти, как один из самых светлых людей в моей жизни. Говорят, он все-таки сделал мне куклу, искал меня, но не нашел. Тогда, он отправил куклу, чтобы она искала меня сама. Соседи видели, как по дворам, на нашей улице, ходит деревянная кукла и ищет меня. Но, не находит, потому, что никто не знал, где я живу и как теперь выгляжу. Ее дразнят злые мальчишки, гоняют дворники, ловят полицейские, она убегает, и все равно, каждый день, ищет меня.

Внезапно, за окном раздается сильный электрический треск и в комнате тухнет свет. Становится темно и тихо. Сима кутается в шаль и подходит к окну.

- У соседей тоже темно.

Ветер посвистывает на крыше, шуршит в дымоходе, и дышит из печки ледяным пеплом. От пламени печки на высоких стенах и потолке комнаты шевелятся длинные тени. Сима приносит и ставит на стол тяжелую керосиновую лампу.

- в такую погоду электрики сидят дома и жгут керосиновые лампы.

Красивая лампа, - говорит Шабаша - видно ей много лет.

Это лампа прадедушки. Она похожа на старую даму в кружевном наряде с изящной прической. И характер у нее очень общительный. Вокруг нее приятно посидеть и поболтать. А когда мы смеемся, она тоже смеется, и светится ярче. Я берегу эту лампу. Она видела моих предков, она хранит их тени.

Шабаша кивает. Из прихожей слышится шорох и в комнату, озираясь, входит растрепанный старик в беретке и очках с крупными линзами. Сима бросается к нему навстречу.

- дядя Гамид, дорогой, как мы с тобой постарели!

Старик снимает очки и протирает их. Дядя Гамид прославился тем, что выступая на свадьбе у своих знакомых, людей простых и далеких от музыки, предложил тост не за молодых, а за Энрико Масиаса, чем сильно удивил и озадачил гостей.

- Присаживайся. Это Шабаша наш гость. Они когда-то жили здесь, за углом, на Дивичинской.

Старик надевает очки и оглядывается

В прихожей раздается громкий шум, гремят тазы и банки. Шабаша вздрагивает. Сима сидит спокойно.

- Это соседка туфли сбрасывает.

Входит пожилая женщина с накрытым блюдом в руках.

- Угощайтесь. Только что сделала, - пирожки с повидлом. Представляете? Иду сегодня по улице. Такое настроение хорошее. Прохожу мимо газетного киоска. Он весь замаскирован журналами и игрушками. Кто там затаился и почему он прячется - неизвестно. Вдруг между журналами высовывается рука с заварным чайником и выливает заварку прямо мне в сумку. Хорошо, что я успела убрать ее в последний момент. До сих пор не могу успокоиться.

- Не переживай, человек задумался, и не заметил тебя. Присаживайся. Это наша соседка Рафига. Дядя Гамид потирает руки, - очень холодный ветер, скоро пойдет снег.

Потом, все замерзнет, и будет гололед. На улицу не выйдешь, - замечает Рафига.

- Я слышала надо наждачную бумагу одевать на туфли.

- Разве бумага поможет, - вздыхает Рафига, я помню, видела женщину с цепями на ногах.

Сима разливает чай по стаканам.

- Да, упасть в гололед, хуже не бывает, - вступает дядя Гамид. Как-то я неудачно упал и сломал себе ногу. Мне наложили гипс, а до этого посыпали ногу тальком. Видимо, вместе с тальком под гипс попало какое-то насекомое. И вот это насекомое никак не могло успокоиться, и нога страшно чесалась. Я не находил себе места. Что, я только не делал, чтобы достать его; тряс ногой, лез под гипс ложкой. Кто-то посоветовал мне налить под гипс керосин. Нога чесаться перестала, но запах от керосина, был такой, что пришлось открыть окно и выставить ногу на улицу.

А, для меня запах керосина это запах детства. Дома мы пользовались керосинкой и примусом. Помню, как мы ходили за керосином в лавку на 4ой параллельной улице. Помню полутемное помещение, масляный грунтовый пол и блестящие медные краны и воронки. А вечером дома зажигали лампу и на стене возникали чудные тени. Из угла выползло страшное чудовище, а за ним пробегала тень, очень похожая на соседку, и с криком прогоняла его. На стене происходил целый спектакль, сколько было визга удовольствия и счастья.

- Смотрю я на эту лампу и представляю твоего прадедушку. Каким он был? - спрашивает Шабаша.

- Он был интересным человеком. Он изучал разные науки, писал книги, хорошо разбирался в поэзии и музыке, рисовал, гипнотизировал и даже умел гадать. Николаевскую полицию это очень беспокоило потому, что он гадал на пропажу и гадал успешно. И детей у него было одиннадцать.

- Да, говорит дядя Гамид - измельчали люди с тех пор.

Рафига встает, подходит к окну и вглядывается в темноту.

- Уже снег начинается. И машин на дороге совсем не видно. А мне с утра ехать надо.

- Придется идти пешком. Транспорт в такую погоду ходить не будет.

Я вспомнил к слову, как однажды долго ехал в тесной маршрутке - вступает дядя Гамид, и шофер всю дорогу курил сигареты. Дышать в машине было совершенно нечем. Я думал, уж дотерплю до конечной остановки, а там переседаю в автобус, чтобы ехать дальше. Автобус больше маршрутки и там можно отдышаться. Действительно: подъехали, и я пересел в автобус. Народу тоже много, а шофер уже курил сигару.

Рафига засмеялась, - ты напомнил мне, как я ехала как-то в маршрутке и на конечной остановке одна женщина заплатила шоферу меньше за проезд, объясняя это тем, что всю дорогу стояла, и сумку держала в руке. Шофер возмутился; "Молла Насреддин тоже, когда ехал на осле, брал на руки груз, чтобы ослу было легче".

Порывы ветра за окном несли снежинки то вверх, то вниз, то шлепали их горстями в оконное стекло. Железная крыша дома скрежетала и жаловалась. Какой-то лист на крыше неистово хлопал как пойманная птица, пытаясь взлететь. Чем пустыней и холодней была улица, тем желаннее казался горячий чай с айвовым вареньем. Сима суетилась, прибирая за столом. И хотя, огонь в печке горел, но комната не согревалась.

Дядя Гамид покашливал, ежился и подвигался ближе к печке.

- когда мне холодно, я стараюсь вспомнить, как мне было когда-то очень жарко.

- Где - ни будь, в бане или в пустыне? - предполагает Рафига.

Нет, намного ближе. На вокзале, в плацкартном вагоне, ночью на нижней полке. Дело было летом, в самое пекло.

Пассажиры обливались потом, но окна в вагоне были забиты наглухо. Вагон был с кондиционером, который по проекту должен был работать только во время движения поезда. Как оказалось, потом, он и во время движения не работал. Воздух в вагоне был самый тяжелый. Разбросанные в купе несколько душистых пар стоптанной обуви подавляли прочие запахи.

Особенно сильно пахли на полу туфли пассажира, спавшего на верхней полке. Я, на нижней полке, долго ворочался и пытался заснуть, но не мог. Тогда я взял его туфли и засунул под полку, на которой спал, в отделение для багажа. Спустя некоторое время верхний пассажир зашевелился, спустился вниз и стал искать свои туфли. Не найдя их, он надел мои, смял им задники и пошлепал в конец вагона.

Шабаша допивает чай. - Ну, что же? Моя прогулка в детство заканчивается. Пора прощаться.

- Приезжай еще. Расскажем новые истории.

Приеду, приеду. Вы, только дайте знать, если адрес изменится, а то я не найду вас.

На веранде раздается стук во входную дверь. Сима, в галошах, выходит и возвращается с чайником.

- Соседи просят набрать. У них вода замерзла. Пойдемте, погуляем. Разве можно сидеть дома в такую чудную ночь. Ветер стих, а снег еще идет, и машин не видно.

Набирает воду в чайник и выходит. Через несколько минут возвращается с испуганным видом.

- Ой, там, на столбе сидит деревянная кукла и чинит нам свет!

Рафига качает головой

- Ах, Сима, Сима. Вечно тебя тянет в детство.

-Ничего подобного. Она мне рукой махала.

- Все замолкают.

В комнате вспыхивает свет.

Гости ликуют и собираются

Кто-то стучит во входную дверь.

Ч. Агаев 2012